
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ, МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, АРХИВЫ

УДК 391.4:687.4

Практика частных подношений императорской фамилии на примере олонецкого кокошника из фондов РЭМ

ВЕРА ГЕОРГИЕВНА ХОЛОДНАЯ

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела специализированного хранения
e-mail: vkholodnaia@yandex.ru

В статье на примере одного предмета — женского головного убора Каргопольского у. Олонецкой губ. — рассматривается практика народных подношений членам императорской фамилии и ее значение в рамках официальной идеологии. Уделено внимание личности и мотивам дарителя, подробно описаны законодательная регламентация и этапы делопроизводства по случаю поднесения дара, его путь сначала в дворцовые покои, а затем в музейное собрание.

Ключевые слова: каргопольский кокошник, подношения членам императорской фамилии.

UDC 391.4:687.4

Practice of Presenting Private Gifts to the Imperial Family Through the Example of an Olonetsk *Kokoshnik* Headgear from the Reserves of the Russian Museum of Ethnography

VERA G. KHOLODNAYA, Ph. D. (History)

Researcher, Department of Specialized Storage,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg
e-mail: vkholodnaia@yandex.ru

The article considers the practice of giving private presents by ordinary people to members of the Imperial Family through the example of one such item, viz. a woman's headgear from the Kargopol Uyezd of the Olonetsk Gubernia, and the significance of such presents from the viewpoint of the official ideology. The writer has minutely studied the motives and the character of the person who gave the gift, as well as the legislative regimentation and the stages of government office work involved — tracing all its way into the palace and subsequently into the Museum collection.

Key words: Kargopol kokoshnik, private gifts to members of the Imperial Family.

В Российском этнографическом музее хранится значительное количество предметов, являющихся подношениями членам императорской фамилии. Большинство из них — дары иностранных делегаций и депутатий, организованных по территориальному, этни-

ческому и религиозному принципу, поднесенные по случаю посещения царственными особами местностей, мероприятий и учреждений или принятые ими во время высочайших аудиенций в императорских дворцах. Значительно меньшую долю составляют частные подноше-

ния, имевшие целью выражение верноподданнических чувств. Примером такого дара является экспонат, получивший в музее коллекционный номер 1569-1.

7 ноября 1909 г. Н.М. Могиланский на заседании совета Этнографического отдела Русского музея императора Александра III доложил о поступлении из канцелярии Министерства императорского двора женского головного убора Олонецкой губернии, который «Его Величеству Государю Императору благоугодно было повелеть отправить в Русский музей императора Александра III для помещения в Этнографическом отделе». Дар приняли «с благодарностью»¹. В сопроводившем предмет письме Канцелярии Министерства императорского двора и уделов за № 9993 от 31 октября 1909 г. значилось, что головной убор был поднесен императору изготовившей его крестьянкой деревни Савиной-Ляги Полуборского общества Нифантовской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии Татьяной Александровной Луниной². Данная информация была учтена А.А. Рагозиным при регистрации предмета.

Поднесенный головной убор (рис. 1) представляет собой тщательно выполненный кокошник каргопольского типа, имеющий форму твердой шапочки с овальным плоским донцем, т-образным задником, «паушами», слегка выдающимся вперед очельем и спускающейся на лоб в несколько рядов бисерной поднизью на уплотненной ватой (?) и простеганной хлопчатобумажной подкладке. В его основе жесткий картонный каркас, который изнутри обшит кумачом, а снаружи — широкими полосами позумента, уложенными вдоль бортов и поперек донца. Задник, пауши и очелье украшены саженым по бели мелким стеклянными бисером желтоватого оттенка и перламутровыми плашками. На очелье — тонко обозначенная рядами бисера традиционная пятилопастная фигура с розеткой из плашек посередине; на паушах — трезубчатый орнамент, вышитый золотой нитью. По материалу и отделке головной убор является типичным для центральных волостей Каргопольского уезда³, к которым с запада примыкала Нифантовская волость. Место его изготовления — д. Савина-Ляга (Савино) входило в Полуборский Георгиевский приход и располагалось в 12 верстах к северу от г. Каргополя по дороге к Ошевенскому монастырю. Среди 12 деревень Полуборского общества эта деревня была наиболее крупной, насчитывала 54 двора, 59 семейств общей численностью в 385 человек⁴. Только 3% деревень Каргопольского уезда

Рис. 1. Кокошник. Олонецкая губ., Каргопольский у., Нифантовская вол., д. Савино. Русские. РЭМ 1569-1. Фото О.В. Ганчевой

имели сходную или большую численность. В настоящее время это скромное малонаселенное поселение, приписанное к муниципальному образованию Павловское с.п. Каргопольского района Архангельской области. Проживавшая здесь Т.А. Лунина была одной из немногих сохранившихся на начало XX в. мастериц — «кокошниц» или «наметчиц», занимавшихся «сажанием» жемчугом и бисером головных уборов и риз на иконы. На весь Каргопольский уезд в 1901 г. их насчитывалось только 5, по одной на деревню⁵. Постепенное затухание промысла было отражением снижения спроса на его продукцию. По отзывам мастериц, виной тому, с одной стороны, было обеднение крестьян, а «справить» кокошник и вышитый золотом плат к нему было довольно дорого; а с другой стороны — вытеснение костюмного комплекса с кокошником более модными туалетами⁶. Возможно, именно эти обстоятельства подтолкнули кого-то из образованных людей посоветовать Т.А. Луниной сделать подарок государю.

В конце XIX в. предпринимались активные действия по упорядочению и регламентации потока частных подношений. Связано это было со сложной процедурой приема подарков, вызывавшей обширную переписку между министерствами, их подразделениями и органами управления на местах. Кроме того, каждый дар требовал возмещения расходов дарителю, а это не всегда представлялось уместным⁷. В наиболее жесткие рамки система была

введена в 1897 г. В постановлении, опубликованном 28 марта в 70-м номере «Правительственного вестника», говорилось: «Государь император высочайше повелеть соизволил: не устрояя веками освященного обычая поднесения Их Императорским величествам в известных случаях святых икон и хлеба-соли, на будущее время не допускать особенной ценности в поднесениях этого рода; всеподданнейшие же подношения как обществами и учреждениями, так и частными лицами всяких других предметов отклонять, с допущением в виде единственной формы материального подношения к подножию Престола пожертвования от своего достатка на благотворительные и всякие другие общепользные учреждения и притом главным образом местные»⁸. В дальнейшем это постановление последовательно проводилось в жизнь, и каждый случай нарушения установленного правила вызывал если не взыскание, то достаточно жесткое напоминание местным властям о высочайшем волеизъявлении. Так было во время пребывания императора 22 августа 1902 г. на маневрах в г. Курске и во время посещения 16 августа 1903 г. Саратовской губернии, а продолжавшийся в связи с торжествами 1913 г. поток дорогостоящих подношений потребовал даже публикации в столичных газетах циркуляра министра внутренних дел Н.А. Маклакова от 28 февраля 1914 г. о запрете на подношение ценных предметов, икон и блюд⁹.

Осознавая важное идеологическое значение подобного способа выражения верноподданных чувств, не отменяя практики подношений, ей стремились придать более символическую форму, связав с соответствующим социальным и этническим контекстом, а также указав на возможное применение полученного дара на «общепользные учреждения», каковым являлся, например, созданный в 1895 г. Русский музей. Это предопределило судьбу подношения Т.А. Луниной.

Решение о принятии подношений принималось непосредственно императором на основании доклада министра императорского двора, дававшего дальнейший ход повелениям государя¹⁰. Такая практика способствовала установлению не утвержденной законом традиции, по которой вся деятельность по вопросам подношений группировалась в Министерстве императорского двора и уделов, а с 1897 г. во втором делопроизводстве его канцелярии. Чаще всего сюда, реже в канцелярии императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны, библиотеки и собственные покои их величеств из различных государственных структур стекались

прошения о поднесении предметов¹¹. 23 октября 1900 г. государь через генерал-адъютанта барона В.Б. Фридерикса, министра императорского двора, повелел министру внутренних дел принять меры для улучшения работы этого механизма. Лицам, желавшим представить их величествам свои произведения, надлежало предварительно обращаться к своему непосредственному начальству, которое передавало их просьбу министру императорского двора для выяснения, будет или нет удовлетворено прошение¹². 7 ноября 1900 г. товарищем министра внутренних дел П.Н. Дурново было отдано соответствующее распоряжение по губерниям¹³.

С этого времени все прошения из регионов должны были проходить через губернаторов, выступавших посредниками между министерством и дарителем. Если же обращение поступало напрямую в министерство, по месту жительства заинтересованного в поднесении лица, в канцелярию начальника губернии или градоначальнику, высылался запрос на специальном бланке с пометкой «конфиденциально» и с просьбой «не отказать в распоряжении сообщить сведения о личности просителя для выяснения, заслуживает ли он испрашиваемой высокой чести»¹⁴. Выяснение не было пустой формальностью и препоручалось местным органам полицейского надзора, которые не только собирали сведения, но и нередко лично знакомились с предполагаемым дарителем. В ответном письме сообщались его возраст, семейное положение, состав семьи, вероисповедание, род занятий, имущественное положение, давалась характеристика нравственных качеств и степени уважения со стороны соседей и коллег. Это позволяло на раннем этапе, не доводя до сведения государя, отсеять обращения людей не вполне здоровых, а также являвшихся мошенниками, желавшими злоупотребить монаршей милостью. И все же значительная часть прошений, даже несмотря на не вполне благоприятный итог разысканий, поступала в дальнейшее делопроизводство. На их основании с добавлением отзыва местных властей составлялась краткая записка о дарителе и представляемом им предмете, утверждавшаяся начальником канцелярии и предоставлявшаяся министру императорского двора для доклада и выяснения монаршей воли. В некоторых случаях к записке прилагались присланные просителем свидетельства, сертификаты, брошюры, фотографии подношения, заключения экспертов.

Положительный ответ получали около половины всех прошений¹⁵. В случае отрица-

тельного решения вопроса дарителю сообщали, что его просьба доведена до сведения государя, но удовлетворена быть не может, и подношение с благодарностью за намерения отклонено. Причиной для отказа могла стать высокая стоимость предмета, в особенности, если его владелец в прошении завывал цену, ссылаясь на плачевное материальное положение. Под предлогом значительной цены отклонялись и фотоальбомы. Главным критерием, влиявшим на положительное решение, были политическая благонадежность дарителя и непричастность его к крамольным религиозным течениям, но обращали внимание также на нравственные качества и черты характера. Так, известному своей благотворительной и просветительской деятельностью священнику Гдовского уезда Н.К. Кузнецову отказали в возможности в 1907 г. лично поднести Николаю II, а затем и в 1909 г. Марии Федоровне икону Св. Николая Чудотворца по причине его сложного и конфликтного характера. С.-Петербургский губернатор А.Д. Зиновьев писал, что это человек грубый, невоспитанный, тщеславный, несносного характера, состоящий на плохом счету у начальства, в соре с прихожанами, часто судится и что желает сделать подношение не с благими намерениями, а чтобы повысить свой авторитет. «Будучи раньше сапожником и занимаясь своим ремеслом, он поднес государю императору Александру III охотничьи сапоги и, получив удостоверение, показывал всем, хвастаясь, что к нему благоволит царствующий дом, что он вхож во дворец и может оказать протекцию». Ввиду сказанного, государь повелел за икону поблагодарить, но подношения не принимать¹⁶. Подношение другого просителя — казака Оренбургского казачьего войска И.Н. Дурьшина — было отклонено в виду ложности предоставленных им о себе сведений и меркантильности побуждений. В начале 1909 г. он обратился с прошением поднести государю императору модель триумфальной арки, построенной в 1891 г. на границе Оренбургской и Томской губерний и Акмолинской области в честь торжественной встречи оренбургским казачьим войском проезжавшего здесь цесаревича Николая Александровича. Ссылаясь на то, что при строительстве и покраске этой арки он получил тяжелое увечье, из-за которого испытывает постоянную боль, не в состоянии ни работать, ни даже носить «зимнее платье», он утверждал, что не может содержать жену и четырех малолетних детей и поэтому просил оказать ему материальную помощь. В ответ на обращение из министерства оренбургский губернатор сообщил, что указанный казак действительно

имеет жену и четырех малолетних детей и в 1891 г. получил травму, но тогда же был от нее излечен и на данный момент вполне трудоспособен, проблем со здоровьем не имеет и занимается торговлей, приносящей ему 300 руб. годового дохода. На основании этого в прошении было отказано¹⁷.

Принимая дар, государь утверждал цену ответного подарка, который подбирался чиновником камеральной части Кабинета его величества. Значительные запасы вещей, предназначенных для подарков, высочайших наград, вознаграждений за оказанные услуги во время путешествий хранились в Кладовой № 2 Камерального отделения Кабинета и постоянно пополнялись за счет заказов у петербургских ювелиров¹⁸. Средняя стоимость подарков колебалась от 50 до 150 руб. Чаще всего мужчин одаривали золотыми или серебряными предметами — государственной символикой, женщин — украшениями с драгоценными камнями. Вот несколько примеров царской благодарности за подношения, состоявшиеся в первой половине 1909 г. Крестьянину Череповецкого уезда Новгородской губернии, отставному ефрейтору, служившему сторожем на ст. Невель Петербурго-Витебской железной дороги В.К. Громову за поднесенного им живого орла были дарованы серебряные часы с цепочкой с изображением государственного герба стоимостью в 50 руб. и 50 руб. ассигнациями в возмещение расходов на дорогу и проживание в С.-Петербурге¹⁹. Крестьянской чете Харламовых из Ярославской губернии за доставленную ими на Царскосельскую ферму для императорских детей корову «ярославку» было повелено выдать с возмещением расходов: мужу — серебряные часы с золотым гербом в 50 руб.; жене — перстень с бриллиантом в 100 руб. Ветеринар К.К. Саковский, обследовавший корову и наблюдавший за ней, должен был получить серебряный портсигар с видом Царского Села²⁰. Итальянскому фотографу Каннарелле из г. Сиракуз, приславшему 6 фотоснимков разрушенного землетрясением г. Мессины с благодарностью были отосланы золотые часы с цепочкой стоимостью в 150 руб. Его соотечественнику Артуру Монтроне, пожелавшему поднести два офорта собственного изготовления с изображением римских достопримечательностей, была дарована аналогичная по стоимости золотая булавка для галстука с гербовым орлом, украшенным драгоценными камнями²¹. Владелец лавки «новых изделий» на Морской ул. Ф.-Э.Э. Грюнберг за изобретенный им светящийся карандаш получил благодарность и подарок в 150 руб. — золотые часы²².

Запонки стоимостью в 75 руб. были выданы орловскому фотографу Б. Эрдману за поднесенный по случаю 200-летнего юбилея Полтавской битвы и переданный в Эрмитаж фотоснимок трости и шляпы Петра I, хранившихся с 1722 г. в г. Царицыне²³. Кроме подарка министерством Двора выдавалось удостоверение на него, получение которого также считалось очень почетным.

Если подношение оценивалось свыше 300 руб., а даритель был человеком состоятельным, ему часто выдавался не предмет, а именное свидетельство на право получения из Кабинета подарка определенной стоимости. Такое же свидетельство даритель мог получить, вернув не устроивший его по какой-либо причине пожалованный предмет. Так случилось в апреле 1909 г., когда отставному генерал-лейтенанту и военному инженеру В.А. Лишеву за поднесенную им во время полтавских торжеств собственноручно изготовленную бронзовую скульптуру Петра I, благодарящего войска за победу, был выдан оцененный в 300 руб. серебряный кубок с гербом²⁴. За отклоненные и малоценные подношения выдавалась письменная благодарность.

В соответствии с обозначенными выше правилами и практикой делопроизводства, в ряду фотоальбомов, рукоделий, макетов, икон, просфор, лекарственных средств, животных и т.п. и поступил на рассмотрение канцелярии Министерства императорского двора интересующий нас предмет. 5 августа 1909 г. из канцелярии Олонецкого губернатора было получено письмо за подписью и.д. олонцкого губернатора, вице-губернатора Теофила Александровича Лепинского, в котором он сообщал, что к нему обратилась крестьянка Татьяна Александровна Лунина с просьбой о представлении Его Императорскому Величеству всеподданнейшего прошения о поднесении изготовленного ею кокошника. Препровождая ходатайство Т.А. Луниной, Т.А. Лепинский, как это было оговорено правилами подачи прошений, сообщал о ее возрасте (47 лет), месте проживания, нравственных качествах и поведении, признанных хорошими, что под судом и следствием она не состояла; указывал состав ее семейства: муж Иван Сергеевич Лунин 45 лет и шестеро детей — четверо женского и двое мужского пола, возрастом от 6 до 17 лет. Сообщалось, что муж крестьянствует на «двухдушевом» земельном наделе, а она, помогая мужу в работах, уже 22 года занимается изготовлением кокошников. Далее давалась общая характеристика кокошника как старинного «женского украшения», которое уже выходит из

обращения и заменяется вышитыми золотом платками. Лунина, по словам вице-губернатора, изготавливала кокошники на дому из материала заказчика и продавала по 3—4 руб. за штуку. Затем следовало небольшое пояснение о возможной стоимости такого изделия: украшенный бусами, парчой и кумачом кокошник оценивался в 10 руб., цена же за расшитый жемчугом, смотря по его качеству и количеству, могла достигать 100 руб. и выше²⁵. Далее прилагалось прошение Т.А. Луниной, написанное по ее просьбе 20 июня 1909 г. Константином Дмитриевичем Колесниковым, возможно, тем, который с 1898 г. держал в г. Каргополе фотостудию²⁶: «Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу. Верноподданной крестьянской жены Олонцкой губернии Каргопольского уезда Нифантовской волости Полуборского общества деревни Савиной-Ляги Татьяны Александровны Луниной всеподданнейшее прошение. Занимаясь рукодельем, изготовлением национальных женских украшений: вышивкой перевязок для девиц и кокошников для женщин, унизывая таковые, смотря по состоянию, жемчугом, бусами и плашками, один из экземпляров такого украшения, кокошник, осмеливаюсь преподнести Вашему Императорскому Величеству, дар собственного труда, образец национального украшения, с всеподданнейшею просьбой принять таковой для ознакомления с костюмом края». За неграмотную Т.А. Лунину прошение подписала Александра Григорьевна Колесникова²⁷.

На основании этих двух бумаг 9 августа в Канцелярии составили «записку», в которой отметили, что сведения о личности Луниной благоприятны и упомянули стоимость подобных головных уборов. Присланный вместе с прошением кокошник был оценен делопроизводителем Канцелярии д. ст. сов. Николаем Ильичом Оприцем, составившим 21 августа заключение: «По своей оригинальности и своеобразной красоте он [головной убор], казалось бы, заслуживает представления. Стоимость его, по-видимому, около ста рублей (из жемчуга)». В последнем Н.И. Оприц, видимо, впечатленный красотой предмета, ошибся; как было сказано выше, кокошник не содержит жемчуга. И, тем не менее, обе бумаги легли в основу доклада В.Б. Фредерикса императору, и в итоге 10 сентября было «высочайше повелено выдать подарок в 100 руб.»²⁸. 18 сентября канцелярия Министерства императорского двора обратилась в Кабинет его величества с просьбой о выдаче подарка, а 2 октября из камерального отделения Кабинета в канцелярию в запечатан-

ном пакете были препровождены золотые серьги с аметистами ценой в 90 руб. и удостоверение на подарок за № 15149, всемиловейшее пожалованный крестьянке Луниной. Олонецкому губернатору было направлено письмо с сообщением о принятом решении и просьбой уведомить о получении крестьянкой ответного дара. 27 ноября из Петрозаводска за подписью губернатора действительного статского советника Николая Васильевича Протасьева пришел ответ с распиской от 9 ноября о вручении, представленной каргопольским уездным исправником и написанной за неграмотную Лунину Иваном Кашничевым²⁹. Таким образом, от обращения Луниной 20 июня до получения ею подарка 9 ноября прошло 4 с половиной месяца.

Но на этом дело не закончилось. В начале декабря того же года Т.А. Лунина, зарабатывавшая в год не более 50 руб.³⁰, движимая чувством признательности, приехала в С.-Петербург. Остановившись на Рождественской ул., она обратилась в Канцелярию Его Императорского Величества с прошением о разрешении поблагодарить императора: «Вашему Императорскому Величеству было угодно подарить мне золотые серьги. Осчастливленная этой монаршей милостью, я горячо желаю поклониться лично Вашему Величеству, для чего дерзая просить разрешения представиться». Просьба ее 14 января 1910 г. была доложена Николаю Александровичу, который повелел ее отклонить на основании существовавшего правила, по которому «особы женского пола, кроме монашествующих, обыкновенно не удостоиваются чести быть представленными Государю Императору»³¹. Этим ответом был закрыт вопрос о подношении Луниной, но его жизнь в качестве музейного экспоната только началась (рис. 2).

Все поднесенные предметы тщательно учитывались и в зависимости от их ценности передавались на хранение в Камеральное отделение Кабинета его величества, гофмейстерскую часть, библиотеки или в личные покои и гардеробные членов царской семьи. Ничто не оставлялось без внимания или в небрежении, сохранялись даже ленты, которыми были перевязаны подносимые императорской семье букеты³². Это было вызвано не только строгой системой учета, охватывавшей все сферы и уровни жизнедеятельности императорского двора, но и основополагающими принципами государственной идеологии. Осознавая важность сложившейся традиции, в подношениях видели не только выражение народной любви и признательности, но и знак сакральной связи народа и самодержца, крепость которой рас-

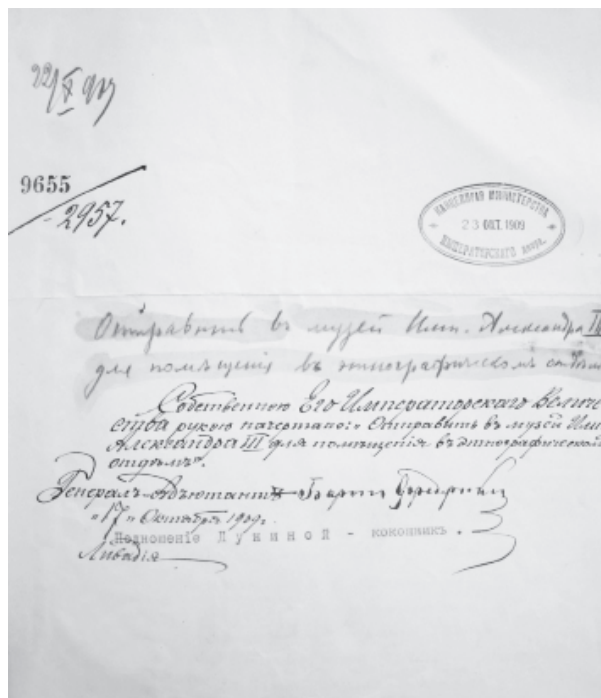

Рис. 2. Резолюция Николая II на докладной записке о передаче кокошника в Этнографический отдел Русского музея императора Александра III

ценивалась как залог существования монархии и государства. С созданием Русского музея, принявшего на себя роль символа этого единения, вещи, имевшие ярко выраженный этнический характер, нередко передавались в его Этнографический отдел. В марте того же 1909 г. сюда были переданы дары, поднесенные 17 февраля депутацией астраханских калмыков в ознаменование 300-летия их подданства России: изображение Дара Эке (Зеленой Тары), модель калмыцкой кибитки, чайный прибор на серебряном блюде и кошмы, а также предметы, присланные Далай-ламой в подарок государю, императрице и наследнику и поднесенные 23 февраля депутацией, возглавляемой Агваном Доржиевым: копия трона Далай-Ламы в натуральную величину, изображения буддийских божеств и домашняя утварь. Сходной была судьба и каргопольского кокошника. 17 октября 1909 г. находившийся в Ливадии Николай II на бумаге с машинописной надписью: «Подношение Луниной — кокошник», синим карандашом поставил резолюцию, впоследствии покрытую лаком: «Отправить в музей Имп. Александра III для помещения в этнографическом отделе»³³. Резолюция была заверена

В.Б. Фредериксом и поступила в канцелярию 23 октября³³, а 31 октября предмет был препровожден в Русский музей.

По всей вероятности, принимая подарок и распоряжаясь об изъявлении благодарности, самого предмета, переданного в Кабинет еще в августе, император не видел. Но он в полной

мере сознавал символическое значение обмена дарами как средства упрочения социальных и духовных связей. Так, перестав быть принадлежностью костюма, утилитарной вещью, но сохранив тепло изготовивших его рук, кокошник превратился в знак стабильности государства.

¹ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Журнал № 246. Л. 26.

² РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Вн. оп. 501/2733. Д. 2. Л. 195.

³ Головные уборы Русского Севера в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»: Каталог / Автор и составитель Г.А. Григорьева. — Архангельск, 1999. — С. 6.

⁴ Список населенных мест Олонецкой губ. по сведениям за 1905 г. / Сост. И.И. Благовещенский. — Петрозаводск, 1907. — С. 220.

⁵ Кустарные промыслы крестьян Каргопольского у. Олонецкой губ. / Сост. В.К. Кузнецов. — Петрозаводск, 1902. Общий очерк. — С. 28; Гл. III. — С. 25, 26; Левинсон Н.Р., Маясова Н.А. Материальная культура Русского Севера в конце XIX — начале XX века (Каргопольская экспедиция 1950 г.) // Труды Государственного Исторического музея. — Вып. 23. — М., 1953. — С. 128, 138.

⁶ Благовещенский И.И., Гарязин А.А. Кустарная промышленность в Олонецкой губ. — Петрозаводск, 1895. — С. 101.

⁷ Ф. 472. Оп. 43. Д. 175. Л. 2 об.

⁸ Там же. — Л. 6.

⁹ Там же. — Л. 12: «Поднесение всяких других кроме хлеба-соли и альбомов фотографий от некоторых депутатских предметов и кустарных изделий отклонено»; Л. 112: «Циркуляр саратовскому губернатору от министра внутренних дел от 21 августа 1903 г. о поднесении хлеба-соли на серебряных блюдах — чтобы на будущее время подношение хлеба-соли не сопровождалось представлением ценных блюд»; Л. 124 об.

¹⁰ Свод Законов Российской империи. — СПб., 1892. — Т. I. — Ч. II. — С. 25, ст. 878, 880.

¹¹ Ф. 472. Оп. 43. Д. 175. Л. 8, 9.

¹² Там же. — Л. 2 об.

¹³ Там же. — Л. 5.

¹⁴ Там же. — Л. 23.

¹⁵ Из 41 прошения о подношении, поступивших в Канцелярию в первой половине 1909 г., было удовлетворено 20.

¹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Вн. оп. 501/2733. Д. 1. Л. 177.

¹⁷ Там же. — Л. 117.

¹⁸ Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. — М., 2011. — С. 160—175.

¹⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Вн. оп. 501/2733. Д. 1. Л. 156.

²⁰ Там же. — Л. 233—237.

²¹ Там же. — Л. 35, 103.

²² Там же. — Л. 358—367.

²³ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Вн. оп. 501/2733. Д. 2. Л. 74.

²⁴ Там же. — Д. 1. Л. 255—265.

²⁵ Там же. — Д. 2. Л. 187, 187 об.

²⁶ Памятная книжка Олонецкой губ. 1909 г. / Сост. И. Благовещенский. — Петрозаводск, 1909. — С. 159.

²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Вн. оп. 501/2733. Д. 2. Л. 185, 185 об.

²⁸ Там же. — Л. 188.

²⁹ Там же. — Л. 197.

³⁰ За высадку на кокошник или перевязку 10 золотников (42,26 г) жемчуга мастерица-«кокошница» брала 3 руб., зарабатывая в среднем от 8 до 25 руб., а в случае удачи — до 54 руб. в год (См.: Кустарные промыслы крестьян Каргопольского у. ... Гл. III. — С. 26, Таблицы — С. 42).

³¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Вн. оп. 501/2733. Д. 2. Л. 198—202 об.

³² Зимин И.В. Повседневная жизнь российского императорского двора. Вторая четверть XIX — начала XX в. Взрослый мир императорских резиденций. — М., 2010. — С. 80.

³³ РГИА. Ф. 472. Оп. 43. Вн. оп. 501.2733. Д. 2. Л. 194.